63.3(2Рос-6Х)6-22
Х-16

ХАКАСИЯ

в годы Великой Отечественной: боевой и трудовой подвиг

АБАКАН · 1995

В. ПРИЩЕПА

ВОИН И УЧЕНЫЙ (П. А. ТРОЯКОВ)

Трояков Петр Анисимович родился 12 июня 1922 года в типичной хакасской семье. Место это по-старинному называлось «Змеиной горой» (Чыланных Тас), что в 50 километрах от Абакана по Аскизской дороге. Отца звали Хайчы Манзар. Дед по отцу в последние годы служил ямщиком у промышленника Кузнецова, возил почту из Минусинска до Сыры. После смерти деда, Кузнецов построил овдовевшей семье пятистенный дом, где они жили до 30-х годов.

В 20-е годы у отца было около 20 коров, 200 овец, но когда началась коллективизация, весь скот «контрактовали», и семья осталась с одной коровой и лошаденком. Отца, как подкулачника, таскали по тюрьмам более двух лет. К этому времени из четырех детей осталось в живых двое. И начались скитания по русским деревням в поисках пропитания.

В 1936 году семья вернулась в свои родные места. Родного очага уже не было. Учиться пришлось только мальчику уже переростком. Окончив семилетку в с. Райково, подросток смог продолжить образование в педучилище. Оно вообще сыграло большую роль в образовании хакасских детей.

«..Началась война и с третьего курса меня направили в военное училище в Новокузнецк. После окончания училища, — рассказывает Петр Анисимович, — нас построили и зачитали приказ о присвоении офицерского звания и назначении. До фамилии на «К» отправили на запад, а остальных на восток. Так я оказался в Монголии. На голой степи начали обустриваться. Выкопали котлованы и поставили с печуркой. Так и зимовали. Летом начали копать большие котлованы и возводили казармы из камней. Так жили в полуземляных и полукаменных жилищах. А питание все было сушеное. На второй год у всех порасшатывались и начали выпадывать зубы. Так прошло два года. А занимались подготовкой воинов для фронта. Летом рыли противотанковые рвы на случай нападения Японии. Ведь часть находилась в двухстах километрах от Квантунской армии».

В 1944 году молодого офицера направили на курсы шифровальщиков. Но доучиться не пришлось. «Без вас немцы не сдаются, — шутили. — Давайте на помощь». А фронт

перешагнул границы нашей Родины. Войска переправились через Одер. Началась завершающая схватка. На фронт попал после Зееловских высот, тут все было разбито. От деревьев остались одни лишь стволы. То там, то здесь стояли искореженные машины. Мое боевое крещение произошло на подступах к Берлину. Здесь мы получили пополнение, в основном из тех подростков, которые были угнаны в Германию. Совсем молодые ребята, 17—18 лет. На их обучение дали с недельку, а там бой уже в самом Берлине. А я был командиром мотострелкового взвода. Но с машин всех ссадили и пешими вели в бой. Бились за каждый дом, за каждый подъезд. Часто продалбливали стены домов и продвигались по нижним этажам. Иногда мы оказывались внизу, а наверху — немцы. И они по группам спускались к нам сдаваться. Днем нельзя было высовываться. Так мы дошли до Рейхстага. И вот завершающие бои за Рейхстаг 30 апреля командир полка собрал офицеров, зачитал приказ В. И Чуйкова: «Взять Рейхстаг 1 мая 1945 года». До него оставалось километра полтора. И вот ночью мы должны взять последний рубеж к Рейхстагу — Тиргартен канал с бетонными берегами шириной метров 60. На нашем участке не оказалось моста. Мы сооружали небольшие плотики, но как только спускали их в воду, как сотни ракет взвивались в небо и враг шквальным огнем косил наших. Немцы сопротивлялись со звериной яростью за последний рубеж к Рейхстагу. Кто из раненых мог вскарабкаться, еще спасались, кто не мог, падали на дно.

Казалось, не взять канал и не переправиться И вот часов в 11—12 ночью я получил задание подменить группу, которая метрах в пятистах держала небольшой плацдармик на той стороне. Мы с моими 34 бойцами в кромешной темноте перебрались через разрушенный мост. Я расставил людей в пяти или шести точках с пулеметами Токарева, гранатами и фауст-патронами. Заняли полукруговую оборону. Я расположился повыше на развалинах стен. Немцы по группам подбирались к нам. В темноте приближение врагов узнавали по звону кирпичей и шороху. За ночь отбили четыре-пять вылазок немцев. Когда небо посветлело, стало легче. Вот новая группа пробирающихся к нам немцев. Забросали их гранатами и отбили пулеметным огнем. Когда рассвело, перед нами лежало несколько трупов немцев. Один офицер. Я снял у него «Вальтер» и морской кортик. Так держались до 11—12 часов дня 1 мая. Снаряды все рвались и рвались. И

вот новый взрыв. Помню, меня отбросило. Ко мне подбежал мой помкомвзвода. Я уже не помнил, что произошло. Лежал полузаваленный кирпичами. Вся голова в крови (это потом рассказывал помкомвзвода), меня перетащили через тот же мост. Посадили на мотоцикл и отправили в наш полевой госпиталь. После меня оставалось 19 человек. Они продержались одну ночь, а там 2 мая наши взяли Рейхстаг — Победа. Вот, пожалуй, и все», — закончил Петр Анисимович.

«Четыре месяца госпиталя. Вернулся в часть в сентябре. Меня определили в батальон по возвращению угнанных в Германию людей и военнопленных в Саксонии, Тюрингии, в Хемнице, в Веймаре, родине Гете и Шиллера. Демобилизовался в 1948 году инвалидом III группы.

«Посмотрел, как тут жили — ужаснулся, — говорит Трояков. — Там жизнь и смерть. Здесь умирали постепенно. Мать выгоняла в поле корову, доила, там же собирала соболек и колосья. А вечером смалывала зерна в ручной мельнице и варила суп и этим кормились.

И вот надо было обустраивать их и думать о себе. Через год поступил в институт. Нас окружили заботой и вниманием. Меня устроили лаборантом. На четвертом году учебы взяли в научно-исследовательский институт. И вот красный диплом, и меня отправляют в аспирантуру литературного института им. Горького. После защиты вернулся обратно, назначили завсектором, где работаю по сей день с небольшими отрывами. А отрывы заключались в том, что дважды избирался ответственным секретарем писательской организации. Два года работал секретарем обкома».

— Петр Анисимович, как Вы смотрите на войну вообще и на ту прошлую, в которой вы участвовали?

— Войны вряд ли кому в радость. Но та война велась за Отечество, за «быть или не быть». Она крепко врезалась в память старшего поколения. Она явилась сцепляющей опорой дальнейшей нашей жизни. Идеалом духовного единства. Но войны другие — они уже другие, не поднимающие дух народа, отвлекающие от мирных целей и нашей больной жизни.

— А какие у Вас награды?

— Да вряд ли они имеют значение. Что греха таить, блекнут цвета в прямом и переносном смысле. У меня два ордена и медали. Откровенно, не тянет их носить. Храню. Может, кто-то вспомнит потом и обо мне и тяжелых годах лихолетья.

— Петр Анисимович, какими проблемами занимались после окончания аспирантуры?

— Да вообще работал по плану института. Писал в основном о хакасской литературе, о наших писателях. Издал две книги «Очерки развития хакасской литературы» (1960), «Хакасия в русской литературе» (1959). Но ученый всегда чувствует себя тесно в установленных рамках. Я начал вовлекать в свои анализы фольклорные традиции, писал о влиянии русской литературы. Написал ряд газетных статей о Пушкине и декабристской поэзии в Сибири, о Горьком и Маяковском, Райнисе и Джалиле, Шеметове и Авраменко. В 1960 году приняли в члены Союза писателей.

— Петр Анисимович, Вы закончили аспирантуру по современной литературе, а большая часть написана по фольклору, как видно по книгам?

— Да, как-то получилось само собой. Я еще раньше сильно заинтересовался духовной мудростью народа и не мог даже отвлечься от нее. Увлекся и начал исследования по фольклору родного народа. Втянулся. И стал, как говорится, специалистом в этой области. Вообще-то это другая область знаний и методы исследования другие. Для непосвященного все это едино, на самом деле тут требуются другие знания. И я их приобретал, много читал по древней литературе».

Судя по его книгам по фольклору он действительно внес большой вклад в изучение фольклора, не только своего народа. Ведь фольклор — явление универсальное. Без типологических сравнений не может быть изучения устной поэзии. Тут легкость обманчивая. И так, в его исследования вовлекается обширный материал мирового фольклора. Мифология почти всех народов, материалы Библии, шумерской, индийской, грузинской, испанской мифологий. Результатами исследований явились три книги «Истоки и формы чудесного вымысла» (1991), «Хакасский героический эпос» (1991), «Исторические корни хакасский сказаний» (пока не издана). Написано много статей, в том числе в академическом журнале «Советская этнография». Кроме этого в различных научных изданиях опубликовано множество других статей по различным жанрам и проблемам.

Трояков принимал участие (как показывают напечатанные им работы) в различных региональных, союзных и международных конференциях в Москве, Ленинграде, Алма-Ате,

Фрунзе, Ташкенте, Махачкале, Ашхабаде, Элисте, Улан-Удэ, Якутске, Новосибирске, Красноярске, Загребе.

По своей работе он переписывался с академиком В. М. Жирмунским, проф. В. Я. Проппом, докт. наук Б. Н. Путиловым, В. Гусевым. Сохранились письма и от зарубежных ученых. Имя его как литературоведа и фольклориста значится в краткой литературной энциклопедии, в различных справочниках писателей и ученых фольклористов.

О том, какими проблемами занимается П. А. Трояков, написано в справочнике фольклористов, выпущенном в Москве:

Трояков Петр Анисимович, кандидат филологических наук, печатается с 1962 г.;

— фольклор, этнография, литература; хакасы, другие народы Сибири;

— эпические жанры (сказка, эпос, мифы): проблемы этногенеза, истории, типологии, сравнительного изучения исторических корней эпических жанров;

— филологический, эстетический, историко-этнографический научные исследования, переводы, издательская деятельность;

— истоки чудесного вымысла, исторические корни героического эпоса хакасов.

Да, ничего не скажешь, завидная биография. Вообще в ученом чувствуется неуемная интеллектуальная страсть, полнота ощущения духовной культры. Читает на немецком, французском. Разговаривать с ним можно по любой отрасли знаний Но не любит политику. Презирает политиканство. По его мнению, это связано с маргинально-площадным уровнем людей, с низким интеллектуальным потолком. Нравственный мазохизм да и только.

В конце беседы задал я Петру Анисимовичу сакраментальный вопрос: «Доволен ли он жизнью?»

— Да как сказать? Вобщем-то как-будто все в порядке. Но радости мало. Прошлое перегружено переживаниями и оно постоянно точит сердце. Настоящее еще больше не радует, будущее неизвестно.

Взбодрив его как можно мягче, я пожелал ему долгих лет творческой деятельности и здоровья.

Он отшутился латинскими пословицами: «Омния меа мекум порто» и «Спиро сперо» — что значит «Все мое ношу с собой», «Пока дышу...» и добавил:

— Все мы под Богом. И я не настолько наивен противиться неизбежному. Но не быть — это не значит конец. Кто-то скажет: «Он там, он здесь». Уходящему во след. Впрочем, печной горшок нам всего дороже. Так что... никому не дано предугадать.